

Дун Сюйюань знала, что Ши Фан — дитя ветра. Несмотря на то что она специально взяла с собой чистую тряпку и как следует натёрла дочери лицо, щёчки той от натирания стали ещё более алыми.

Втроём они нашли тенистое место под большим деревом, присели на корточки и принялись с жадностью есть солонку из батата.

Утром, перед выходом, они уже приготовили обед: каждому по коробочке. Кроме батата там была только кислая и с душком маринованная редька. Эта редька была не свежего засола, а та самая, что была засолена прошлой осенью в большой кадке и до сих пор не съедена — мягкая и разваристая.

Хотя она и пахла не очень, кислинки в ней было достаточно, чтобы разжечь аппетит. Обед остыл, но в такой жару горячее есть было не в состоянии, а добавив к этому редьку, от которой можно было свернуть зубы, проголодавшиеся за утро трое уплетали еду с громким чавканьем.

— Мам, брат велел купить учебные пособия, дай мне один юань!

Поев, Ши Фан одной рукой провела по рту и тут же приняла вид маленького ростовщика. Но этот ростовщик был милым, особенно когда ссылаясь на старшего брата. Дун Сюйюань хоть и жалела деньги, но вспомнив, как успешно прошло утро, решила и достала монету.

— Трать экономно, только не покупай сладостей!

Дун Сюйюань каждую неделю давала Ши Вэю немного карманных денег — десять-двадцать центов, но хоть что-то. Ши Фан же ни копейки не получала. Мать боялась, что у девочки нет силы воли: если она съест какую-нибудь гадость, заработает кашель или расстроит живот, проблем будет не обернуться.

Ши Фан похлопала себя по груди, готовая было поклясться, с очень серьёзным видом. Но стоило ей заполучить деньги от матери, как лицо её озарила озорная улыбка, и она помчалась прочь, исчезнув из виду.

Поскольку они продавали маринованную редьку впервые, Ши Чанцай и Дун Сюйюань тревожились. Капуста ничего им не стоила, а вот редька требовала затрат. Если бы товар не вышел, они бы от расстройства не уснули, так что, как только Ши Фан убежала, они принялись обустроить тележку.

Когда тележку толкали, она стояла ровно, но если остановить и отпустить, она наклонялась вперёд. Ши Чанцай был опытен и, выходя из дома, захватил с собой две деревянные опоры.

На этих опорах были прибиты перекладыны, образующие рогатку. По высоте они совпадали с передними стойками тележки. Если упереть их сзади, то вместе с передней стойкой и колесом получалась устойчивая конструкция, превращавшая тележку в стол.

Никто не говорил, что нельзя торговать вразнос, но и разрешения такого не было. На временном рынке, где они продавали капусту, Ши Чанцай осмеливался кричать, но здесь он побаивался. Поэтому он просто выставил небольшую коробочку с заранее нарезанной дома редькой и положил рядом бамбуковые шпажки.

Затем он достал и повесил на тележку рекламный плакат, написанный Ши Вэем углем: «Бесплатная дегустация. Хрустящая редька. Три ломтика за цент».

Написанные углем иероглифы получились толстыми, причём Ши Вэй специально провёл по ним несколько раз, делая чёрные буквы ещё заметнее. Четыре иероглифа занимали две трети плаката, а остальные восемь — оставшуюся треть.

И взрослые, и дети всегда чувствительны к бесплатному. Особенно дети, у которых в карманах гроши, а во рту слюнки текут. Большинство из них училось несколько лет и знали простые иероглифы. Даже если кто-то не умел читать, но в компании находился один грамотный, весть о бесплатной еде моментально распространялась на всех.

Редьки для дегустации заготовили много: деревянная коробка была доверху набита. Но эти дети оказались настоящими обжорами. Пословица «полуголодный подросток отца с голоду уморит» была сказана не зря. Дома еды было мало, а тут выпал случай наесться бесплатно — конечно, они набивали животы.

Но как бы они ни старались, редька в коробке была ограничена. Дун Суююань, видя, что дело идёт к тому, что коробку опустошат, поспешно переложила половину содержимого и спрятала её.

Дети тоскливо смотрели на пустую коробку, чмокали губами, а слюна так и текла.

— Почему так мало? Я успел проглотить кусочек с ноготь!

— А я вообще ничего не поймал!

— ...

Толпа детей шумела перед тележкой.

— Не волнуйтесь, не спешите.

Дун Суююань не обращала внимания на их шум. Это ещё что! Когда она продавала овощи старикам, там было куда страшнее: из-за одного цента они могли оглушить друг друга криками.

— Тут ещё много. Три ломтика за цент, выбирайте любые.

Дун Суююань сказала, и Ши Чанцай в поддержку вынес перед ними таз с белоснежными ломтиками маринованной редьки.

У детей загорелись глаза. Во рту всё ещё чувствовался кисло-сладкий вкус. Держи их Дун Суююань, они бы набросились на тележку, перевернули её и растащили всё.

— Разве вы говорили бесплатная дегустация? Почему теперь деньги?

— Недовольно крикнул один из тех, кто подошёл позже.

— Бесплатное — это отдельно, а платное — это отдельно. Всё, что было бесплатно, вы съели. Теперь только три ломтика за цент. Себестоимость дорогая, мы сегодня первый день работаем, поэтому продаём дешевле, а завтра будем давать по два ломтика за цент.

Дун Суююань была невысокой, метр с кепкой, и очень худой, но её лица боялись. Не то чтобы она была некрасива, внешность у неё была неплохая, пусть и не красавица писаная, но выше среднего.

Дело было в её характере. Выглядела она строгой и суровой, а сухоощавая фигура только усиливала впечатление, словно перед тобой классный руководитель. Особенно для этой компании, большинство которой были ещё школьниками.

— Ну... тогда дайте мне на пять центов.

Один пухлый мальчик достал монету в десять центов и, облизываясь, смотрел очень прожорливо.

Он был из первых, кто прибежал, и дрался за еду яростнее всех. Маринованная редька была кислой, а кислое разжигает аппетит, особенно если желудок пуст. Чем больше ешь, тем больше хочется.

Мальчик дал деньги, Ши Чанцай отсчитал ему сдачу — пять центов — и вручил бамбуковую шпажку, длиннее его ладони, разрешив самому выбирать ломтики.

Раз он был первым, то, конечно, выбрал самые крупные. Отсчитав пятнадцать штук, он с удовлетворением вгрызся в один из ломтиков, и раздался громкий хруст, от которого у остальных детей потекли слюнки.

— Дай мне попробовать!

Несколько ребят одного с ним роста подались к нему, уставившись на его шпажку greedy глазами, словно зелёные волки.

— Не дам!

Мальчик отказался без колебаний.

— Тут три ломтика за цент, идите и купите сами!

Пять центов для этих детей были огромной суммой, но один цент — другое дело. Если они жили в городке, значит, с голоду не умирали, и даже если родители были скупыми, один цент они могли добыть. Поэтому карманные деньги у большинства начинались с одного цента: давали либо каждый день, либо раз в два дня.

Чтобы купить конфету, нужно было долго копить, а ломтик редьки можно было купить сразу!

Люди — существа стадные. Увидев, что кто-то уже купил, остальные дети тоже кинулись к тележке.

Некоторые из тех, кто не успел купить в первых рядах, были недовольны: чувствовали себя обделёнными. Но глядя на то, как многие с жадностью едят, и чувствуя запах кислой редьки, слюна выделялась сама собой.

Три миски маринованной редьки продались лучше, чем они ожидали. За исключением той половины коробки с пробниками, которую Дун Суююань спрятала и больше не показывала, все три миски были распроданы подчистую.

Несколько ребят, которым не досталось, жалостливо смотрели на пустые миски и с унынием ощупывали карманы. Они уже слышали: сегодня цена акционная — три ломтика за цент, а завтра вернут обычную цену — два ломтика за цент!

Дун Суююань достала спрятанную половину коробки и раздала этим детям:

— Завтра мы ещё придём. Если понравилось — приходите завтра покупать!

Дети, не купившие редьку, закивали головами, как голодные цыплята, клюющие зерно.

Товар уходил лучше, чем они предполагали. Всё закончилось чуть больше чем за час, а Ши Фан всё ещё не возвращалась.

<http://bllate.org/book/16388/1483768>